

Н. А. БЕРДЯЕВ

Общество и власть

Нет страны, в которой был бы такой болезненный разрыв общества и власти, как у нас. Наше общество всегда чувствует себя так, как будто бы не оно создавало историческую власть и не оно за нее ответственно. Мы привыкли себя чувствовать, как в завоеванной стране, и русское государство часто казалось нам не нашим государством. Вечная негодующая оппозиция, которая только и была нам предоставлена, и которая питалась неустанной борьбой власти против общества, приучила нас смотреть на государственность как на что-то чужое, «ихнее». «Они» считались носителями государственной национальной идеи. Русское общество принудительно держалось в состоянии безгосударственности и ему ничего, не оставалось, как строить безгосударственные теории и держаться за принципиальную безгосударственную оппозицию. Чувство государственной ответственности возможно лишь у того, кто призван к активному участию в государственной жизни, кто сам должен творить новые формы жизни. Но тот, кто отброшен в сторону и в силах лишь со стороны возмущаться, готов признать безнравственным и низким, всякое участие в государственной власти. И русская интеллигенция не допускала даже мысли, что может наступить момент, когда она будет призвана к активному и положительному участию в государственной жизни, когда государством будем «мы», а не «они». Исторически выработанная привычка принципиального бойкота всего государственного осталась и до сих пор. В нас слабо еще сознание активного гражданства. Мы слишком привыкли чувствовать себя подневольными рабами и рабски бунтовать. У русских редко можно встретить гордость гражданина своего отечества. В речах наших крайних «левых»

чувствуется не столько достоинство гражданина, сознающего свою возрастающую силу, сколько бунтующая озлобленность вечно униженных и гонимых. Русские слишком легко впадают в истерику, и в делах, и в словах их нет гражданской силы. Редко кто говорит у нас, как власть имеющий.

И очень знаменательно и радостно, что в историческом заседании Государственной Думы 19-го июля Россия услышала поистине гражданские речи, исполненные гражданского достоинства и гражданского негодования¹. Это высшее достоинство граждан своего отечества, ответственных за его судьбу, чувствовалось не только в речах прогрессиста Ефремова и кадета Милюкова, но и в речах националиста гр. В.А. Бобринского и октябриста Савича. Граждански прекрасной была речь крестьянина Евсеева. Гражданское сознание отсутствовало лишь в речах г. Маркова 2-го и г. Чхеидзе. Слова двух крайних представителей противоположных полюсов русской общественности были совершенно безответственны. Но слова гр. В. Бобринского и г. Савича, выражающие умеренно-правые круги русского общества, говорили о том росте свободной гражданственности, который совершился в России под влиянием войны и патриотической тревоги. То же сознание гражданского достоинства и гражданской ответственности чувствуется в речах П.П. Рябушинского, произнесенных на съезде промышленников и в военно-промышленном комитете²; в них чувствуется рост политического сознания целого класса: на арену выступает у нас третье сословие и властно требует своего участия в государственной жизни. Возрастание общественной силы чувствуется и в речах кн. Г.Е. Львова. А за всем этим стоит новая сила — армий, вооруженный народ.

Все это очень важные симптомы изменения отношения между обществом и властью. И это новое соотношение может быть охарактеризовано не как рост отрицательной оппозиции общества, а как рост положительной власти общества, как стяжание себе силы в государстве. В политической жизни все достигается не провозглашением отвлеченных формул, а стяжением положительной силы и сознанием этой силы. И общество стяжает себе силу тем, что делает положительного для войны, для обороны России, для победы, тем, что без общественных сил государство не может воевать, без общеземского и общегородского союза, без промышленников, без Гос. Думы, без свободной печати невозможно поставить оборону России на должную высоту. Объективная исто-

рическая и государственная необходимость, хотя и с опозданием, но призывает широкие общественные силы к делу, к участию в государственной жизни, во власти. И ныне общественные силы завоевывают свободную гражданственность не отрицательной оппозицией, не борьбой за власть, а патриотическим подъемом и патриотическим делом, не столько требованием прав, сколько исполнением обязанностей. Ныне само негодование против власти — патриотическое негодование, исполненное сознания национальной ответственности. Установлена не парламентская формально-юридическая ответственность министров, которая предполагает коренное изменение государственного строя и в настоящее время вряд ли возможна, а нравственная и фактическая ответственность перед страной. И это было поражением власти, лишенной государственного сознания и ответственности перед великой страной, власти, недостойной великой страны. Совершенно безответственная власть далее не может быть терпима. В дни исторических испытаний наше общество должно стать государственным и стяжать себе силу положительной национальной работой. Такое национальное дело совершается во всех сферах: в земствах, в городах, в промышленности, в Гос. Думе, в печати. Мы начинаем чувствовать, что государство — это мы, что мы ответственны за него, участвуем в его развитии или разложении.

Русские не до конца понимают, что государство есть необходимая функция исторической жизни народов, что оно создается и совершенствуется самими народами. Как бы ни была плоха и гнила данная историческая форма государственности, но и она принуждена нести известные общенародные функции. Нам, всему обществу, всему народу необходимы войско или суд, хотя войско или суд могут быть плохо организованы, и тогда мы должны стремиться к их улучшению. Государство всегда призвано по-своему противиться той хаотической стихии, которая ведет к распадению общественной и народной жизни. Но государственное сознание всегда было слабо не только у нашего общества, но и у нашей власти, которая скорее стояла на почве сознания вотчинного и полагала, что она по наследственному праву владеет русской землей и народом. Наша «правая» власть всегда очень способствовала хаотизации и анархизации общественной и народной жизни. После 17-го октября, когда была создана Гос. Дума, у власти не явилось государственного сознания того, что Гос. Дума есть государственное учреждение, органическая часть

государства. Представители власти продолжали думать, что народное представительство есть лишь терпимая общественная оппозиция правящей власти, как единому носителю и выразителю государства. С двух противоположных сторон смешивалось у нас государство с правительством.

Но ведь законодательная власть народных представителей есть гораздо более коренное начало государственности, чем исполнительная власть правительства, которая есть лишь одна из переходящих функций государственного механизма. Сама Государственная Дума должна прежде всего сознать себя органической силой русской государственности, выразительницей единства России, а не одной лишь ареной борьбы партий. Государственная Дума не есть общество, противостоящее власти, она сама есть власть, она хранит русскую государственность и русское национальное единство не менее правительственной власти, а гораздо более. У министров, которые оказались негодными в самый грозный час для Русского государства, не было никакого государственного сознания и ответственности и не им быть носителями начал государственности. Они были реакционными заговорщиками против основ государственности. Война низвергла бюрократические фикции и обратила к реальностям. Государственная и национальная фразеология нашей правой бюрократии оказалась призрачной. Так же низвергла война фикции всяких отвлеченных политических деклараций, обратила к конкретному. Мы перестали верить в фразеологию право-бюрократическую, лево-социал-демократическую или доктринерски-либеральную. Мы теперь верим лишь в конкретные реальности и в дела, во внутреннюю силу, выражающуюся в конкретных внешних действиях.

Отношения общества и власти вступают в совершенно новый фазис. Это новое соотношение прежде всего создается единством общества и армии, которое создается все более и более. Россию вели к гибели те разлагающиеся круги, которые Государственная Дума признала достойными лишь сидеть на скамье подсудимых. Россию спасет и ох-г ранит все общество, весь народ. И то государственное положение, которое будет фактически завоевано обществом, патриотическим делом спасения родины, не может уже быть отнято никогда. Отныне это — величайшая реальность и сила, а не отвлеченная фикция. Война должна излечить нас от отвлеченного формализма в политике — она обращает к содержанию, к жизненно-фактическому. Мы должны оставить

безответственный бойкот и принципиальную оппозицию людей, стоящих как бы вне России, вне русской государственности, вне национального единства. Мы должны преодолеть формальное принципиальное противоположение общества и государственной власти, должны сознать себя положительной силой, действующей внутри единой великой России, ответственными гражданами своего отечества.

Роль третьего сословия в России

Давно уже и много раз указывали на то, что промышленная буржуазия не играет у нас той- освободительной политической роли, какую играла на Западе, и что это печально для политического развития России. Буржуазия все еще не [с]делалась у нас политически сознательным третьим сословием. Наша буржуазия была малокультурна, боялась власти, не порвала еще с прошлым хищнического купечества, была подавлена передовой экономической ролью иностранцев-капиталистов в России. Сословия вообще были мало развиты в России и подавлены бюрократией. Исток нашей буржуазии — старое русское купечество. По наследству не получила она никаких гражданских чувств и никаких политических притязаний. Старые навыки, унаследованные от купечества, делали нашу буржуазию экономически не творческой, политически покорной и боязливой. Творческая инициатива была слишком ничтожна в русской буржуазии. Сравнительно недавно она выходит из состояния подавленности и делается культурным слоем. Очень важно отметить, что русская буржуазия всегда была идейно загнанной и отверженной, никогда не получала никакой идеологической санкции. Сначала была она под презрением дворянским, а потом под презрением интеллигентским. Это не способствует расцвету. И русская буржуазия не знала периода духовного подъема. Она всегда определялась, как служащая своим личным и классовым корыстным интересам, а не интересам общенациональным и общенародным. Она и сама себя так ощущала и потому не могла играть никакой творческой роли в развитии России. Это был показатель низкого уровня индустриального развития. В поздний час выступило у нас третье сословие, и никто уже не верит, что оно — народ. На смену